

Сергей ТЕЛЮК

ОДНАЖДЫ В XX ВЕКЕ



Из бесед
на кухне у Юрия Влодова



Сергей
ТЕЛЮК

ОДНАЖДЫ В XX ВЕКЕ

*Из бесед на кухне
у Юрия Влодова*

Зебра Е
МОСКВА

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Т31

ОТ АВТОРА

Оформление
Александр Шукин

*В оформлении обложки использована картина
Ирины Телюк «В унисон»*

Подписано в печать 17.04.2014.
Формат 70×100^{1/32}. Усл. печ. л. 5.
Тираж 1000 экз. Заказ №

Телюк, Сергей

Однажды в XX веке. Из бесед на кухне у Юрия Влодова / Сергей Телюк. – М. : Зебра Е, 2014. – 160 с., ил.

ISBN 978-5-906339-83-6

Увы, дорогой читатель, вам самим придётся определять степень серьёзности отношения к «Однажды в XX веке». Но при этом не забудьте учесть, что нижеследующее относится не ко всей стране вообще, а — к личным жизням, которые и в те времена могли оказаться непохожими, как изнанки цивильной одежды...

Пересказывая устные истории поэта Юрия Александровича Влодова от его имени, я мог бы считать себя соавтором, — кстати, мэтр признавал меня собратом по перу. Но дело в том, что услышанное не записывалось мной, ни на диктофоне, ни на бумаге, а фиксировалось в памяти. И потому теперь невозможно отделить реалии от моего собственного вымысла. В чём я и признаюсь.

Итак, с благословения Юрия Александровича начинаю...

ISBN 978-5-906339-83-6

© Телюк С.Ю., 2014 г.

Часть
ПЕРВАЯ

СЕМЬЯ, СЫНОЧКА...

Однажды, в годы Гражданской войны, в один из украинских городков вошли красные. В то же время там находился антрепризный театр, который, разъезжая по «городам и весям», выступал и перед красными, и перед белыми, и перед зелёными...

— Кто играл перед белыми? — строго спросил труппу, собравшуюся в своём, стоявшем в тупике, вагоне, вошедший матрос.

— Я — антрепренёр этой труппы! Что угодно?! — выступил вперёд знаменитый российский трагик Райский.

— А ну ходи, контра, на коридор! — скомандовал матрос.

Вывел его из вагона и застрелил.

А оставшаяся без антрепренёра труппа, скорбя о происшедшем и помогая его молодой вдове Наде Надеждиной, продолжила свои выступления.

Больше всех в помощи актрисе усердствовал участник гастролей Шура Влодов, бывший на пять лет младше неё. По прошествии двух лет по обоюдному согласию они стали мужем и женой.

Это были мои родители: Надежда Борисовна Тимошенко (Надеждина) — дочь православного священника, и Александр Захарович Левицкий (Влодов) — племянник «короля Одессы» Мишки Япончика.

В одной из ссор в конце 40-х я услышал, как родители выкрикивали друг

другу: «одесская морда» (кричала мама), «рязанская свинья» (отвечал отец).

Тогда я спросил у мамы: почему они до сих пор живут вместе?

— Семья, сыночка... — отмахнулась от вопроса мама.

ТИШЕ, ЗДЕСЬ ДЕДУШКА ЛЕНИН...

Тише, здесь дедушка Ленин...

Однажды летом в бытность нашу в Москве мы с мамой оказались на Красной площади. Ничего необычного в этом нет, если не считать того, что в то время через неё ходил городской транспорт, и такой охраны, как позднее, — не было.

Мы шли параллельно Кремлёвской стене. И вдруг мне, трёх-четырёхлетнему мальцу, приспичило в туалет.

— Хочу какать, — сообщил я маме.

— Потерпи, сыночка, — стала она уговаривать меня, ускоряя шаг.

Но я упорствовал, продолжая стоять на своём:

— Хочу какать.

Мама огляделась по сторонам...

Спасская башня возвышалась невдалеке подобно сказочному великану, а мама держала меня на весу и приговаривала:

— Тише... Тише, здесь дедушка Ленин...

Внезапно появился военный и, угрожая, приказал немедленно убрать «это безобразие». Безропотно разрывая на себе нижнее бельё, и доставая его лоскуты из-под кофточки, мама подчинилась. Потом взяла меня на руки, и мы стали быстро-быстро удаляться...

О-О-О!

О-О-О!

Однажды мама решила провести свой отпуск вместе со мной в Харькове, у родственников. И вот, в конце мая 1941 года, мы отбыли из Москвы.

Но, по известным причинам, всё пошло наперекос. Отступление Красной Армии из Харькова и оккупация его немецкими войсками происходили с калейдоскопической быстротой. И мы с мамой в возникшей неразберихе не смогли эвакуироваться.

Вошедшие в город немцы, к тётке и бабушке, у которых мы жили в полупод-

вальной квартире в центре, подселили двух офицеров гестапо — Вилли и Курта. Они были из разных сословий (первый — барон, второй — мясник) и, когда выпивали, нередко ссорились. К нам же они всегда относились хорошо: охраняли своим присутствием, усиленно снабжали продуктами — чем в итоге помогли выжить.

Как-то мама в разговоре с ними сказала, что её муж, оставшийся в Москве, батальонный политрук запаса (отец ушёл на фронт без нас — в самом начале войны).

Вилли и Курт, не сговариваясь, подняли указательные пальцы вверх и с многозначительностью одновременно прокомментировали жест:

— О-о-о!

НЕЛЬЗЯ! ВОЖДЬ!

Однажды Вилли, офицер гестапо, живший с нами в одной квартире в оккупированном Харькове, придя в нашу комнату за солью, заметил под кроватью журнальный лист с портретом Сталина (видимо, он висел на стене и, упав, оказался забытым в наступившей неразберихе).

— Нельзя! Вождь! — подняв иллюстрацию, сказал он.

И отдал её маме.

ГЕРР ОФИЦЕР...

Однажды вечером во время войны в центре Харькова двое румынских солдат стали приставать к двум нашим девушкам. Одна из них вырвалась из навязываемых объятий и подбежала к немецкому офицеру, оказавшемуся поблизости.

— Герр офицер... — начала девушка свою просьбу о помощи.

Выслушав её внимательно, немец подозвал вытянувшихся при виде его по

стойке смиренно румын. И начал громко ругаться, хлеща их поочередно перчатками по щекам.

А девушки пошли дальше, на звуки духового оркестра. Там — танцевали.

РАЗВЕДКА, ПАЦАН!

Однажды я, будучи ещё мальчишкой, наблюдал в Харькове, как наш управдом Кузьмич ходил с гестаповцами по квартирам.

Он стучал или звонил в очередную дверь и кричал:

— Мадам, откройте! Гестапо.

Кузьмич был известным в округе выпивохой, и его, по всей видимости, не очень-то интересовало, какая власть в городе. Он оставался бессменным управдомом, как говорится, и при белых, и при красных.

— Мадам, откройте! НКВД, — выкрикивал он с той же узнаваемой интонацией и до, и после войны.

Я спросил у него, что означает его двуликость?

И он, после хмельной отрыжки, ответил:

— Разведка, пацан!

Я ВАМ ПОКАЖУ, ТЫЛОВЫЕ КРЫСЫ!

Однажды Красная Армия на непродолжительное время заняла Харьков. И, в преддверии отступления, была организована эвакуация.

Людей вывозили товарняками, с частыми и продолжительными остановками в пути (из зоны бомбёжек мы выезжали около месяца). Питались различной ботвой, сырым выкопанным картофелем, в общем, чем Бог пошлёт.

Каждое утро из вагонов выгружали мёртвых. Но мы с мамой жили ещё и

надеждой, так как узнали, что все московские театры были эвакуированы в Кемерово, Новосибирск и Томск. И поэтому наша конечная цель была определена.

Вместе с нами в вагоне ехал ненормальный хромоногий моряк-фронтвик.

— Я — герой! Я вам покажу, тыловые крысы! — периодически выкрикивал он, наводя жуть на женщин и детей.

И вдруг ему захотелось лечь спать именно в том углу, где сидела молодая женщина с грудным ребёнком. Он выхватил у неё ребёнка, и — выбросил в проём двери движущегося вагона. Женщина бросилась со звериным воплем на хромоногую. Раздирая его лицо ногтями, она вытолкала моряка в тот же самый проём и сама выпрыгнула из вагона.

Всё это пронеслось, как фантом, но осталось в моей памяти.

ВСЕГО НЕ УПОМНИШЬ

Однажды, когда война уже закончилась, к нам с мамой в Кемерово (куда мы переехали из Новосибирска, прожив там три месяца) приехал отец.

В общем-то, он был узнаваем, правда, похудел и поседел (особенно виски), но выглядел молодцевато. На его груди красовались три ряда наградных колодок.

И, глядя на них, я спросил:

— Ты кто?
— Майор...
— А за что? — не унимался я.
— Да так... Ползли к Берлину, стреляли, обмороживались... Мало ли... Всего не упомнишь...

Я ВАМ БУДУ ОТЧИМОМ

Однажды в разгар зимы приехала в Березники большая фигура — авторитетный вор Егор Татарников. В пятидесятиградусный мороз он стоял на верхней площадке перед входом в кинотеатр (в добротном пальто, меховой шапке, перчатках — как инженер) и смотрел тоскливым взглядом на проходящие мимо беззаботные парочки. А возле него толпились местные урки. Один из них, Зая, всхлипывая, жаловался на кого-то... Другой — Терех — выговаривал ему:

— Чего ты, дурашка, сукоед?! Чего ты разбазарился — успокойся...

— Прекратить это всё, — негромко сказал Егор. — Не могу видеть... Если родители не воспитали — я вам буду отчимом...

Но тут подъехал самосвал. Татарников неспешно спустился к нему по ступенькам. Сел на сиденье, захлопнув за собой предупредительно открытую шофёром дверь. И — уехал.

В Березниках, в ту пору единственном «каменном» городе, построенном среди левобережных болот Камы, был ещё и Дворец культуры, где работали актёрами мои родители. Но местная жизнь протекала отчасти на лагерный лад, так как на другой стороне реки в отдалении раскинулись бескрайние просторы Усольяга.

Позднее отец, отвечая на мой вопрос:

— А на что похож наш город?

Сказал, недолго думая:

— Пожалуй, на Комсомольск-на-Амуре. — И добавил: — Правда, Комсомольск несколько больше, но всё равно такой же...

Однажды, после возвращения из эвакуации, я написал письмо из Харькова в Березники, что под Пермью, оставшейся там подружке. В письме я, как мог, описал романтику воровской жизни, а в завершение добавил, что мы с паханами разъезжаем по городам и грабим госбанки. В подтверждение написанному я вырезал из книги «Ранок» Микитенко (как я узнал позже — расстрелянного в 37-м) картинку, на которой были изображены беспризорники, играющие

в карты на крыше вагона, и вложил её в конверт.

Через какое-то время в нашу полуподвальную квартиру, где я в тот момент находился с бабушкой, вошли два коренастых мужика.

— Ты — Юра? — спросил один из них.

И после утвердительного ответа, показав красное удостоверение, предложил пройти с ними, объяснив бабушке, что это ненадолго — для выяснения кое-каких формальностей.

На улице нас ждал «Виллис». Мы сели в него — и вскоре оказались перед чёрными металлическими воротами с вывеской «Институт стали и сплавов».

Машина затормозила. После небольшой паузы въехала во внутренний двор.

Меня отвели в кабинет, где на одной из стен висел портрет Берии, и оставили в распоряжении находившегося там человека в гражданском.

Он усадил меня за один из двух стоявших в кабинете столов и, дав ручку и чистый лист бумаги, лаконично сказал:

— Пиши...

— О чём? — недоуменно поинтересовался я.

— О себе, — ответил он.

Я написал автобиографию.

Хозяин кабинета прочитал написанное мной и, скомкав и выбросив бумагу в мусорную корзину, дал мне новый чистый листок со словами:

— Пиши об ограблениях. Где. Когда. С кем.

В следующий момент внезапно открылась дверь. К нам вошёл мужчина среднего роста в хромовом плаще нараспашку, на вид имевший, как мне показалось, поразительное сходство с портретом Бери.

Выслушав доклад от, видимо, подчинявшегося ему хозяина кабинета, он,

сев на угол стола, за которым был я, проникательно посмотрел...

И вдруг почему-то я стал перед ним оправдываться. Показывая татуировки, говорить, что я — «щипач»-одиночка и ничего общего с налётчиками не имею. И что картинку я вырвал из книги, которую нашёл в дядиной библиотеке.

— Твой дядя, как его... Тимошенко — член партии? — прервал меня он.

— Так точно, коммунист, зав. отделом обкома, — ответил я.

— Член партии ещё не коммунист... — произнёс он.

И, уже обращаясь к подчинённому, распорядился:

— С мальчишки — «объяснительную», и — отпустить. А дядю — сюда. На профилактику!

Как оказалось, это был начальник Харьковского НКВД товарищ Вассерман.

Года через два-три в одном из киножурналов я увидел прибытие в Моск-

ву руководителя британской разведки господина Ойли. И диктор за кадром сообщал, что в аэропорту его встречали: «товарищ Берия, товарищ Гроссман и товарищ Вассерман...»

ПО ЛИЧНОМУ ВОПРОСУ

Однажды, намаявшись от неустроенности после возвращения в Москву, я решил обратиться с просьбой к самому Сталину.

Мне стало известно, что по распоряжению Ворошилова дали квартиру в Москве одному из воровских авторитетов. И я, не имеющий, как говорится, ни кола, ни двора, подумал: ну чем я хуже?!

Решиться на такое было непросто. Прикуривая папироску одну от другой, я какое-то время кружил вокруг Кремля

и, наконец отважившись, вошёл в ворота Спасской башни.

В застеклённой будке с надписью «Бюро пропусков», стоявшей перед часовым, находившимся в отдалении, сидел майор в форме войск государственной безопасности. Он, поднявшись, откозырял и, обращаясь ко мне, поинтересовался целью посещения...

— К товарищу Сталину. По личному вопросу, — отчеканил я заранее заготовленный ответ.

— Я, конечно, могу записать вас на приём к Иосифу Виссарионовичу, но придётся долго ждать, — участливо отреагировал офицер. И продолжил после паузы: — Обратитесь лучше в Верховный Совет — как к депутату вы скорее к нему попадёте...

Обласканный внимательным обращением, я вышел на Красную площадь со слезами на глазах и ощущением, что уже побывал у Вождя, и мне ничего не надо!..

МЫ С ВАМИ ГДЕ-ТО ВСТРЕЧАЛИСЬ?

Однажды в Джезказгане (Казахстан), в послевоенное время, произошло восстание заключённых. Поводом для этого послужила бурда, которая в тот раз оказалась совершенно не пригодной для еды.

Лагерь гудел, требуя начальника. Неожиданно в зону, ломая забор, въехал танк. Над головами засвистели пули. Люк на башне танка открылся, а показавшийся оттуда танкист объявил в «матюгальник»:

— Всем лежать! Следующая очередь — по людям!

Наступила тишина.

Вдруг недалеко от меня, поднялся один из «политических» и запел: «Вставай, проклятьем заклеимённый...» За ним, подхватывая песню, стали подниматься другие заключённые.

Танк дал задний ход...

Спустя много лет, я встретил этого «политического» в Москве, в Союзе писателей.

— Мы с вами где-то встречались? — спросил, увидев меня, Михаил Павлович Кудинов.

Часть ВТОРАЯ

ПРИНИМАЮ

Однажды я пришёл к Ярославу Смелякову и объявил ему, что вот, дескать, надумал вступить в Союз писателей.

— Одобряю, — буркнул он.

— Да, но, насколько мне известно, для этого нужны рекомендации, — продолжил я деликатно.

— Так в чём же дело?! Приноси! Я тебя принимаю! — снова не понял он.

— Но мне не хватает одной рекомендации! — не выдержал я.

— Извини, — наконец-то уяснил Ярослав Смеляков, — я — председатель

приёмной комиссии и рекомендацию тебе дать не могу, но можешь сказать *там*, что я тебя принял.

ЕСЛИ ЧТО – ОБРАЩАЙСЯ!

Однажды летом, будучи ещё молодым поэтом, я поехал в Переделкино знакомиться с Ильёй Сельвинским.

Калитка была заперта, и поэтому я расположился на ближайшем пригорке в ожидании кого-нибудь, кто бы смог провести меня на территорию дачи.

Прошло какое-то время, и вдруг я увидел невдалеке от себя невзрачного с виду мужичка, похожего не то на гриб-

ника, не то на электрика. Заметив меня, он остановился и спросил:

— Поэт небось?

— Да, — коротко ответил я.

Он присел рядом со мной и твёрдо сказал:

— Читай.

Выслушав несколько стихотворений, он вскричал:

— Это же гениально! Да как они могут тебя не пускать?!

И, схватив палку, стал открывать ею массивный внутренний засов калитки. Открыв, распахнул её передо мной и удовлетворённо выдохнул:

— Иди! Если что — обращайся! Меня зовут Костя.

Как я узнал позже, это был Константин Ваншенкин.

Однажды Илья Сельвинский спросил:
— Как вы думаете, кто я по национальности?

— Не знаю, — ответил я, — наверно... еврей.

— Не угадали. Я — крымчак, — проворкотал он, показывая свой паспорт.

— Но ведь этого не может быть! Такой национальности нет, — изумился я.

— Может не может, а в паспорте записано. Я, возможно, единственный крымчак на Земле. Это, как и поэт, звучит гордо. И вообще нас четверо поэтов

в двадцатом веке, — задумчиво сказал он, — Володька Маяк, Серёжка Рязанец, Борька Пастернак и я.

Кто-то сейчас вспоминает лидера конструктивистов Илью Сельвинского!

ИЗВИНИТЕ, НО У ВАС — ХУЖЕ

Однажды, навестив Сельвинского в Переделкине, я застал его на застеклённой веранде со студентами. (Он был профессором Литературного института.)

— А-а, вот сейчас-то нас и рассудит поэт Юрий Влодов, — сказал, представляя меня ученикам, мэтр. — Может ли русский стихотворец носить фамилию Рабинович?

— Конечно, нет, — ответил я, ещё не разобравшись, что к чему.

— Но мне всё равно не нужен псевдоним! — запальчиво отреагировал один из студентов.

— Ну, дело хозяйское, — завершил прения Илья Львович.

И после непродолжительной паузы объявил:

— Темой для стихотворения будет слово «рак».

— И вы, Юрий, если хотите, поучаствуйте, — предложил он. — Время пошло.

Мы разбрелись по саду в поисках уединений. На веранде остался только хозяин дачи, тоже принимавший участие в выполнении задания.

Через двадцать минут мы снова собрались вместе.

Восемь студентов, я и Сельвинский по очереди прочитали вслух свежесочинённое.

У меня вышло следующее:

*Алябьев — технолог. Алябьев — дурак.
Он шепчет: «УГлеба Максимыча — рак!!»
И уши краснеют у мастера Вити.
И он говорит: «Я — прошу. Прекратите».*

*У Глеба Максимыча — тысяча дел.
Он в трубку рокочет. Он требует: мел!
«А я вам толкую — одиннадцать тонн!..»
И пот утирает. И хмурится он.
«А я вам толкую: даёте — и точка!..»
И парусом белым вскипает сорочка...*

После этого каждый должен был назвать, что ему больше всего понравилось из услышанного.

И тут-то оказалось: большинство голосов признало лучшим моё стихотворение.

А подвёл итог голосованию уже знакомый Вадим Рабинович:

— Извините, но у вас — хуже, Илья Львович.

Конечно же, я нашёлся, что ему ответить... Но сам вопрос мне до сих пор кажется странным.

Однажды зимой во Внуково, где мы с моей женой, Марой Гриезане, жили на даче Твардовского и ухаживали за его собакой, приехал сам хозяин. Его еженедельные приезды на служебной машине были делом условленным. И поэтому всё происходило, как обычно: приветствия, застолье, разговоры.

— Кто лучший поэт: я или Некрасов? — неожиданно спросил меня Александр Трифонович.

Однажды, оказавшись по какому-то делу во Внуково, я решил зайти к Твардовскому.

Мы столкнулись нос к носу на пороге его дачи.

— Мой юный друг, — сказал он мне, — нет ли у вас чего-нибудь от зубной боли? А то она уехала на зимнюю квартиру и забрала все лекарства.

Я отрицательно помотал головой.

— Ну, хорошо, мой юный друг, — продолжил Твардовский, — сейчас мы

поедем к Федину, и там что-нибудь придумается.

Несмотря на фривольный, затрапезный вид, выйдя на дорогу, он сразу же остановил проезжавшего мимо на своей машине дачника.

— Мой юный друг, — обратился Александр Трифонович к нему, — не подвезёте ли нас до Переделкина?

Получив утвердительный ответ, мы сели в легковушку...

Услышав наши призывные звонки, калитку дачи Федина открыла сестра Константина Александровича. Выслушав приветствие и просьбу, она спросила:

— Сколько нужно денег на лекарство?

И, получив ответ, принесла требуемую незначительную сумму.

Покупая поллитровку в ближайшем магазинчике, Александр Трифонович

бережно спрятал в карман сдачу, и сказал мне:

— Мой юный друг, вот мы сейчас вылечимся, и вы возвращайтесь в Москву. А я домой как-нибудь сам доберусь.

РЕБЁНОК НИЧЕГО НЕ ЕСТ

Однажды, сидя в беседке с Чуковским, во дворе его переделкинской дачи, мы молча следили за тем, как двое мужчин, на вид лет по сорок, не обращая ни на кого внимания, выгоняли легковую машину Корнея Ивановича из гаража на улицу.

Когда они уехали, аккуратно закрыв за собой гараж и ворота дачи, Чуковский спросил:

— А вы случайно не знаете — кто эти молодые люди?

— Нет, — обескураженно ответил я, — но я думал, что это ваши родственники.

— Да, наверное, кто-то из внуков, — задумчиво сказал он, — надеюсь, вторая машина на месте.

И неожиданно добавил:

— Пойдёмте пить чай. Ребёнок ничего не ест. Совсем отбился от рук.

Под ребёнком подразумевалась его дочь, Лидия Корнеевна, которой в то время было около шестидесяти.

ВЕРШИНА НАШЕЙ СЛОВЕСНОСТИ

Однажды в Переделкине, находясь в гостях у Чуковского, я сказал ему:

— Корней Иванович, вы — гений!

— Да, гений, — спокойно ответил он.

— И вам неинтересно, почему? — спросил я.

— А, в самом деле, почему? — заинтересовался он.

— Да потому, что когда я в детстве впервые услышал ваши стихи, то был просто уверен: это сложилось само собой. Так не мог написать ни один дядя, — объяснил я.

— Когда-то, — после недолгой паузы продолжил разговор Корней Иванович, — я показал свои литературные опыты Чехонте и Пешкову. Они выслушали меня. И дали совет — это надо записывать. Что я и сделал.

И после ещё одной паузы вдруг добавил:

— Вот вы сейчас пойдёте к своему другу Сельвинскому, так передайте ему от меня, что он пишет никудышные стишки.

Чуть позже я слушал тираду Ильи Сельвинского. Из которой следовало, что Твардовский — это классик Политбюро, а его солдат Тёркин — как будто из 1914 года. И что ничего общего с солдатами Второй мировой он не имеет. И что он, Илья Сельвинский, удивляется нашему с Твардовским приятельству.

Тогда-то я и передал ему слова Чуковского.

На что Илья Львович мне спокойно ответил:

— Ну, Корней Иванович — вершина нашей словесности, нашей культуры. Мы все у него учились и должны учиться.

Но после этого наши дружеские отношения стали охладевать.

А ВЫ, СЗАДИ, НЕ ГРИМАСНИЧАЙТЕ

А вы, сзади, не гримасничайте

Но тут же досталось и мне.

— А вы, сзади, не гримасничайте, — не оглядываясь, сказал Корней Иванович.

Однажды Корней Иванович и я, прогуливаясь по Переделкину, увидели Пастернака, увлечённо копающего землю на своём участке.

— Борис, я же говорил вам, что создатель — многогранен! — громко изрёк мэтр. — Здорóво у вас получается...

Хозяин дачи прервался и недоуменно посмотрел в нашу сторону.

Стоя за спиной Дедушки Корнея, я развёл руками, тем самым показывая, что не имею к высказыванию никакого отношения.

ЭТО — НА ТРУМВАЙ

Это — на грумвай

Однажды от журнала «Смена» я отправился в Переделкино для встреч с Пастернаком и Маршаком.

Подойдя к калитке дачи Бориса Леонидовича, я увидел, как некто в поношенной армейской форме с генеральскими лампасами возится в саду.

— Где хозяин? — крикнул я незнакомцу.

— Уехал за границу, — последовал ответ.

Но в тот же самый момент на дорожке, идущей из глубины участка, пока-

залась знакомая фигура, двигавшаяся в моём направлении.

— Так вот же он! — недоуменно вырвалось у меня.

Некто, продолжая делать своё дело, спокойно ответил:

— Значит — вернулся.

А подошедший Борис Леонидович, поздоровавшись, извинился за то, что «аудиенцию» придётся перенести, так как ему надо срочно ехать в город.

Мы дошли до шоссе, ведущего к станции, и расстались.

Тогда я направился вглубь дачного посёлка. Там, около станции «Мичуринец», находилась дача Самуила Яковлевича Маршака.

И опять всё вышло не так, как хотелось. Маршак захворал...

Провожая меня до калитки, он полужёпотом извинялся, и вдруг, прощаясь, протянул мне конвертик.

— Что это? — спросил я.

— Это — на трумвай, — старательно прошептал Самуил Яковлевич.

Я стал отказываться, но всё было напрасно...

— Это — на трумвай, — настойчиво повторил он.

И, улыбнувшись на прощание, закрыл калитку.

В заключение надо сказать, что я в тот момент нуждался в деньгах. И на выданное мне «на трумвай» прожил порядка двух недель.

ТРЕБУЮ НАЗЫВАТЬ МЕНЯ МИШЕЙ

Однажды, по обыкновению зайдя в «Предбанник» («Пёстрый зал» ресторана Центрального Дома литераторов), я оказался за одним столиком с Михаилом Светловым и Марком Соболевом. При этом я хотел бы пояснить, что Михаил Светлов был одним из любимчиков у службы «Предбанника». И при необходимости ему отпускали в долг.

Так вот, не помню, по какому поводу, среди дружеской беседы я произнёс:

— Когда сидишь с большим поэтом, сам становишься — большим.

— Ой, хитрец! — взвизгнул Михаил Светлов.

И обратился к официантке, тыча в меня пальцем:

— Зинка, «моё»!

Это означало, что он презентовал: рюмку водки, «хвост селёдки» и кусочек хлеба.

— Не надо, Михаил Аркадьевич!

Я сам... — отреагировал я.

И тут произошла заминка.

После чего я услышал:

— Прошу и даже требую, называть меня Мишей...

Справедливости ради надо сказать, что его желание так и не исполнилось.

ЭТО МОЁ РАБОЧЕЕ СОСТОЯНИЕ

Однажды я наблюдал, как Павел Антокольский проходил через фойе ЦДЛ со шлейфом своих поклонников. Все перед ним расступались, уважительно кланяясь.

Заметив Межирова, он притормозил и повелительно воскликнул:

— Подойдите ко мне! Над чем работаете?

И когда тот ему ответил, Антокольский напутствовал:

— Закончите — обязательно покажите мне!

А позже, зимой, я навещал его по неотложным редакционным делам в доме творчества «Переделкино», где он предстал передо мной совсем иным...

Постучавшись в дверь его комнатки в «старом корпусе», я услышал:

— Войдите!

Внутри было темно. И только за счёт отсвета снега из окна можно было разглядеть маленькую фигурку, лежащую в одежде поверх неразобранной постели.

— Свет зажечь? — спросил я.

— Не надо. Это моё рабочее состояние, — ответил Антокольский.

БОЮСЬ, ЧТО БЫСТРЕЕ НЕ ПОЛУЧИТСЯ

Однажды для публикации подборки стихов моего ученика Вали Купцова в журнале, где я работал, потребовалось вступительное слово мэтра. Определившись, я, вместе с Валентином, поехал в Переделкино к первому секретарю Московской писательской организации Щипачёву.

Когда мы подошли к его даче, калитка была открыта, а в саду находилась жена Степана Петровича, известная тогда театральная актриса Златова. Заметив нас, она спросила:

— Вы по какому делу?

Я объяснил.

— Почитайте что-нибудь, — сказала она Купцову.

После того, как было выслушано и одобрено несколько стихотворений, нас повели в кабинет Щипачёва, на второй этаж дачи.

— Стёпчик, — обратилась жена к мужу, — тут принесли хорошую лирику и просят написать вступительное слово для «Смены».

— Оставьте, — величественно молвил седовласый мэтр, — и зайдите недели через две.

— Но журналу нужно срочно! — встревожился я.

— Боюсь, что быстрее не получится, — сухо ответил Степан Петрович.

— Ну, зачем ты так... Зайдите завтра в это же время, — вмешалась жена.

На следующий день, снова приехав в Переделкино, мы из её рук получили что требовалось.

Однажды в Переделкине, зимним днём Ярослав Смеляков работал в своей комнате в мансарде. В это же самое время внизу, у него под окном, дети жившего в отдельном домике сторожа, играли в снежки.

— Танька, — раздражённо крикнул Смеляков своей жене, Татьяне Стрешневой, — скажи, чтоб не мешали думать!

— Яра, ну что ты, успокойся... — ответила она.

И через некоторое время во дворе стало тихо. Но ненадолго...

— Танька... — повторно обратился со своим требованием к жене Ярослав Смеляков.

Прошло ещё какое-то время. И во дворе снова раздались детские крики...

— А вот и блинчики ноздреватые... — послышался за дверью у Смелякова голос Татьяны Стрешневой.

— Грёбанный в рот, — не выдержал Ярослав, — тут первый поэт России для народа поэму сочиняет, а какая-то шантрапа сосредоточиться не даёт! Всё — я их увольняю.

— Яра, — попробовала смягчить мужа жена, — где же зимой в Переделкине работу найдёшь?!

— Не моё дело. Чтоб завтра же их не было! — как отрезал Смеляков.

Проснувшись на следующее утро, он почти сразу увидел тело повесившегося на дереве под его окном сторожа, который так и не нашёл себе новую работу.

— Наливай, — говорил мне Ярослав несколько дней спустя.

И, глядя в сторону жены, задумчиво добавлял:

— Баба, но человек. Я ей благодарен... Ну, давай выпьем за неё!

У Ярослава Смелякова, прошедшего через две войны, два плена, трижды сидевшего в советских лагерях, произошёл психологический надлом. И в скором времени он скончался.

Часть ТРЕТЬЯ

ТЕМ БОЛЕЕ

Однажды на бульваре напротив Литературного института я встретил Хрущёва (в ту пору пенсионера), который кормил голубей.

— Студент? — покосился он в мою сторону.

— Да нет. Поэт, — промямлил я, ища взглядом его телохранителей.

— Поэт? — переспросил он. — Люблю поэзию. Особенно Пастернака. У него ещё в «Живаго» батяка Махно на велосипеде катается. Читал?

— Да ведь это из «Хождений по мукам»?! — удивился я.

И в это же время заметил невдалеке двух здоровых мужиков, беседующих между собой и на первый взгляд показавшихся мне навеселе...

— Ну, всё равно... Не важно... Тем более... — добродушно подытожил Никита Сергеевич.

СЕЛЬВИНСКИЙ БЫЛ НЕ ПРАВ

Однажды я случайно встретил Вадика Рабиновича. Мы уединились от городской суеты и долго разговаривали, читая при этом друг другу стихи.

И, конечно же, припомнили давний спор на семинаре Сельвинского. Илья Львович утверждал, что русский поэт не может иметь фамилию из одесских анекдотов — Рабинович.

— Сельвинский был не прав, — улыбнулся Вадик, поэт и автор ряда талантливых книг.

Я согласился с ним.

ПРЕДСТАВЛЯЕШЬ!

Однажды, после весело проведённой ночи, очутившись к рассвету с редакционными друзьями (из журнала «Смена») в районе Цветного бульвара, на одном из перекрёстков мы увидели Евтушенко. Он показался мне застывшим в позе, чем-то напоминающей памятник Маяковскому.

И когда я подошёл к нему, он с усталой, но гордой интонацией произнёс:

— Представляешь, Юра, две девственницы за ночь!

ТЫ РАЗВЕ НЕ ЗНАЕШЬ?

Ты разве не знаешь?

— Как?! Ты разве не знаешь? Это сын писателя Замошкина...

Но такой писатель, увы, мало кому был известен.

Однажды кто-то из посетителей спросил меня в редакции «Смены», указывая на Кирилла Замошкина:

— Кто этот молодой человек?

— Зав. отделом литературы и искусства, — автоматически ответил я.

Потом задумался: в самом деле, кто этот панибратский, вёрткий крепыш?

Стал интересоваться. И услышал от сослуживцев:

Однажды меня познакомили с оказавшимся в Москве председателем белорусского колхоза, который обратился ко мне с просьбой: помочь ему срочно написать поэму о партизанах.

Мы договорились о цене, и — поехали на Ломоносовский проспект, к его родственникам, где, расположившись в просторной кухне, начали работу.

В принципе дело обстояло так: между нашими разговорами и едой, я сочинял стихотворное произведение на герои-

ческую тему из жизни партизан. А мой собеседник, оказывается, мечтавший о литературной славе (ему этого не хватало для полного счастья!), постепенно набирал маститость, и к концу ночи уже заявлял:

— Я, как писатель...

Через пару месяцев знакомые передали мне бандероль, в которой находился минский журнал «Неман» с опубликованной под именем Председателя поэмой.

САМОЕ КОРОТКОЕ...

Самое короткое...

Однажды Коля Глазков поведал мне забавную историю.
— Недавно выступал, — начал он, — с бригадой в ЦДЛ.

Всем разрешили — по стишку. И говорят: покороче. Ну, я им и прочитал самое короткое:

*Мы —
Умы...
А вы,
Увы!..*

После чего смотался домой.
В 22.18 — покинул ЦДЛ.
В 22.44 — ужинал дома. (Он жил, как написано в его стихах: «Арбат, 44, квартира 22».)

Пришёл чёрный лимузин.
В 23.12 — я предстал перед генералом в форме неизвестных войск.
«Кого ты имел в виду?» — зычно спросил он.

«Королеву английскую и подлую свиту её!» — честно ответил я.
В 23.54 — я был дома. В постели...

Тут наш разговор прервал оклик одного моего знакомого.

— Да погоди! — дёрнул меня за рукав Глазков и многозначительно спросил:
— Хочешь знать, кто о тебе говорит о-ч-е-н-ь плохо?
— Не хочу! — отрезал я.
— Ну ладно, закрываю свою беззубую пасть, — сказал он.

А, когда мой знакомый подошёл, Коля представился:

— Николай Глазков. Гений.

А ТЕПЕРЬ – АНДРЕЙ ВОЗНЕСЕНСКИЙ

Однажды я оказался в дружной бригаде с Андреем Вознесенским во главе на поэтическом вечере. Зал был полон. Люди заняли не только положенные места, но и сидели на полу перед нами, в проходах и на подоконниках.

Мы, выступавшие, по очереди «разминались» за сценой спиртным. Понемножку. Чтобы глаза блестели.

И вот, когда Вознесенский вышел из-за кулис, облизывая влажные губы, ведущая вдруг объявила:

— А теперь – Андрей Вознесенский.

Публика взревела.

Андрей, после некоторой заминки, уверенно шагнул к микрофону и начал читать «Осень в Сигулде»...

*...в прозрачные мои лопатки
вошла гениальность, как
в резиновую перчатку
красный мужской кулак...*

Однажды, работая в «Московском комсомольце», я придумал поэтическую рубрику: «Книга — в газете». Обмозговав в общем и целом, как это можно сделать, я направился со своим предложением к исполнявшему обязанности главного редактора Саше Шифрину.

Надо сказать, что «Московский комсомолец» переживал тогда смену главных редакторов. А Саша, будучи «замом» предыдущего «главного», временно возглавлял газету. Проявляя инициативу,

наверное, в надежде на повышение — он с удовольствием поддержал меня.

— Давай, — сказал он, — ты отвечаешь за неё.

Первая «Книга — в газете» была, конечно же, моей, и вышла она в феврале 1969 года. А потом пошли книги: Мары Гриезане, Юрия Смирнова, Вадима Черняка, Александра Аронова, Олега Чухонцева...

С тех пор много воды утекло.

Аналоги рубрики появились в различных изданиях. И не только «Книга — в газете», но и «Книга в журнале», «Книга в альманахе» и т. п.

И слава Богу!

Однажды, направляясь в «Предбанник», у бокового входа в Малый зал я заметил Александра Аронова (явно уже побывавшего в «Предбаннике»). Подойдя к нему, я увидел в приоткрытую дверь, что в едва ли наполовину заполненном зале свои стихи, с присущей ему монотонностью, читает Иосиф Бродский (это было до его отъезда в эмиграцию), а рядом за столом председательствует Арсений Тарковский.

— Юрка, я его убью, — прорычал Саша. И тут я заметил в руках у него ножницы.

— Кого? За что? — изумился я.

— Бродского. Он же у меня жену увёл!!! — взбешённо ответил Аронов. — Нинку!!!

Я стал озираться по сторонам, ища помощи.

И тут из «Предбанника» нетвёрдой походкой вышла Ахмадулина.

— Белла... — направился я к ней и объяснил ситуацию.

— Боже! — со свойственной ей эмоциональностью отреагировала она.

И пошла к Саше.

Постояв немного у приоткрытой двери, она вдруг воскликнула:

— Графоман! Правильно! В глаз ему надо — ножницами...

И одобрительно чмокнула Сашу в щёку.

Я снова стал озираться по сторонам, ища поддержки.

И тут, увидев Юрия Левитанского, я кинулся к нему...

— Хорошо, — спокойно ответил он, выслушав меня, — сейчас мы их «погрузим» в «Москвич» Беллы. И я отбуксирую его к дому.

Что мы, с Божьей помощью, и сделали.

На следующий день Александр Аронов удивлялся:

— Юра, представь себе, просыпаюсь утром в квартире у Ахмадулиной и Нагибина... А как туда попал, — не помню.

ДА ЗДРАВСТВУЮТ ПОЭТЫ!

Да здравствуют поэты!

Наступила пауза.

И тут Саша размахнулся, и, швырнув банку в противоположную стену, выкрикнул:

— Да здравствуют поэты!

Банка от удара — разбилась. А возникшее легендарное пятно ещё долго было украшением кабинета.

Однажды мы с Ароновым выпивали в «Московском комсомольце». Естественно, в какой-то момент зашёл разговор о поэзии.

— Ты считаешь меня поэтом? — неожиданно спросил Саша.

— Конечно! — ничуть не сомневаясь, ответил я.

Саша нагнулся и откуда-то из-под стола, за которым мы сидели, достал банку домашнего варенья. Вертя её в руках — поинтересовался как бы на всякий случай:

— Закусывать будешь?

Однажды, находясь в фойе ЦДЛ, я услышал голос Бориса Авсарагова.

— «Лимоны е»? — небрежно спрашивал он у меня за спиной.

Обернувшись, я увидел кого-то из известных писателей, уже протягивающего ему деньги.

— Здорóво, — поприветствовал меня Авсарагов, — пошли в «жральню»!

Чуть позже, вечером, в «Предбаннике», наверное, в сотый раз, он открыл

передо мной и Колей Котенко позолоченный портсигар. Тыкая пальцем в фотографию молодого Сталина на внутренней стороне крышки, многозначительно сказал:

— Дядя.

И по своему обыкновению скорее забурчал, чем запел, «Сулико»: «Долго я бродил среди скал...»

— Опять завёл? — на этот раз не выдержал я.

— Извини. Виноват. Ухожу в себя, — ответил Борис.

А через некоторое время:

— «Наколка» идёт... Эй ты, иди сюда! Лимоны е?

Юра замёрз в одну из последовавших зим на ступеньках заднего крыльца ЦДЛ. Его вывели из ресторана проветриться, и — забыли...

Однажды зимой, переночевав у Юры Смирнова, утром я вышел покурить на лестничную площадку. Из окна была видна башня Бутырской тюрьмы. Я, заметив часового и злорадствуя, что нахожусь по эту сторону — сделал эмоциональный жест и выругался вслух. А Смирнов, оказавшийся рядом, став невольным свидетелем, изрёк:

— Жизнь, впрочем, как и поэзия — это, брат, не фунт изюма...

Однажды в один из летних дней, часов в одиннадцать утра оказавшись близ Колхозной площади, я решил зайти в «Литературную газету», чтобы умыться, побриться и т. д.

Надо сказать, что в то время я не имел постоянного места жительства. Ночевал в парках и на вокзалах, спал в электричках и кинотеатрах, однако продолжал заходить в редакции и общаться с писателями.

Так вот, открыв одну за другой две массивные двери и уверенно войдя в здание, занимаемое газетой, я показал привставшей навстречу мне вахтерше большой конверт.

И отчеканив:

— Водитель, — как бы не обращая внимания на охрану, проскочил в помещение.

После чего быстро поднялся на второй этаж, заперся изнутри в туалете и стал приводить себя в порядок. Окончив намеченные дела, я вдруг расслабился и прилёг вздремнуть на стоявшую внутри кушетку...

Разбудили меня стук и лязг закрытой щеколды. Открыв ходившую ходуном дверь, я увидел перед собой Чаковского с тревожно поблескивавшими на носу очками.

— Водитель, — неуверенно сказал я оторопевшему хозяину туалета.

И, скорее интуитивно используя возникшую паузу, сунув пустой конверт главному редактору в руки, побежал вниз.

А за спиной слышались гневные выкрики Александра Борисовича, обращённые к кому-то из сотрудников. Но все они для меня звучали одинаково, на манер:

— Ату его!

НЕ ЛЮБЛЮ ПЬЯНИЦ

Однажды ночью мы с Колей Рубцовым слонялись по коридорам спавшего общежития Литературного института в поисках выпивки. Был уже второй час ночи.

— Все от нас попрятались, — сказал я Коле, и продолжил: — Слушай, ведь, как правило, Игорёк Ляпин возвращается поздно, — пойдём к нему...

(Все знали, что студент и парторг своего курса Игорь Ляпин — жених дочери второго секретаря Правления СП СССР, курирующего Литературный институт,

Сергея Сартакова, и поэтому он имел негласные привилегии.)

— Дело-то хорошее, но он прижмист... — ответил Рубцов.

Всё-таки мы решили рискнуть. И не прогадали.

Не успели мы дойти до комнаты Игорька, как в коридоре этажа появился и сам хозяин. Он, поравнявшись с нами, небрежно произнес:

— Здорово, поэты, — вдохновения набираетесь?

И тут же неожиданно добавил:

— Пойдёмте ко мне. Я «выдал поэмку на-гора». Мне ваше мнение небезынтересно...

Его комната была не в пример другим: вся в коврах, надушенная, и, кроме того, в ней были холодильник и радиола.

— Разуваться не надо, — сказал Игорь, набросав на пол газеты от порога до ближайших кресел.

Переоделся, надев на себя халат поверх рубашки и брюк. И только после этого спросил:

— Что предпочитаете, водку или коньяк?

— Водку! — нетерпеливо выпалил Рубцов.

Хозяин выставил на стол: для гостей — водку, для себя — коньяк. Достал закуску: шпроты и абрикосовый компот.

— Да вы не стесняйтесь, поэты! — подбодрил он.

После чего сел напротив нас и начал читать поэму о Донбассе, при этом надо сказать, что Игорь Ляпин был из династии шахтёров.

Вскоре, после распитой бутылки, захмелевший Коля начал толкать меня под столом ногой и одновременно говорить:

— Ну-ну, ну-ну...

— Ты кончай, Рубцов, эту мимику. Если что не нравится — скажи. Я, как поэт, выдержу, — отреагировал Ляпин.

И, прекратив чтение, добавил:

— Мне надо поработать... Ну, вы не частите, — но раз в неделю я вас приму.

Довольные, мы вернулись в свою комнату, где было всё обшарпано и на полу сопел во сне Толик Третьяков, спившийся зять Наровчатова.

Указывая пальцем на Третьякова, Рубцов произнёс:

— Не люблю пьяниц.

И ПОШЛИ ВЫ ВСЕ НА Х...

Однажды в общежитии Литературного института произошла драка. В общем-то, ничего необычного в этом не было, если не считать того, что на этот раз били Анатолия Передреева, который, будучи бугаём и мордобойцем хоть куда, сам не отличался покладистостью. Например, заметив кого-нибудь, ему не очень симпатичного, в Центральном Доме литераторов, он мог запросто выгнать его со словами: «Не признаю. Пошёл на х... Вон отсюда!»

Так вот, в общежитии я оказался, когда «действие» уже свершилось...

А началось всё, как мне рассказал по свежим следам Коля Рубцов, с того, что Передреев, случайно встретившись с ним на шестом этаже, взял да и набил ему морду. Видно, был не в духе.

Николай же взял да и пошёл после этого к братьям Эрику и Валентину Сафоновым, которые шефствовали над ним и жили этажом выше. Замечу попутно, что братья (особенно Эрик) по умению драться превосходили даже Передреева. Выслушав Рубцова, Сафоновы спустились на этаж ниже. Одним ударом ноги выбили дверь... И в процессе завязавшегося выяснения отношений всего-навсего сломали несколько рёбер хозяину комнаты, не считая разбитой утвари и перевёрнутой мебели. Правда, Анатолию Передрееву пришлось подлечиться в больнице...

А позже, когда Рязанская писательская организация исключала из своих рядов Солженицына, Эрик Сафонов, как говорят, бросил на стол свой членский билет, уйдя со словами:

— Он единственный писатель среди нас. И пошли вы все на х...

ЭТО МОЙ КРЁСТНЫЙ

Однажды зимой, часа в три ночи, я добирался домой от Наташи Хлебниковой. Мороз стоял страшный, такой, что дышать было почти невозможно. И моё «добирался» сводилось к безоглядному бегу через дворы от её дома до своего, а они находились — на противоположных сторонах Ломоносовского проспекта, в районе кинотеатра «Прогресс».

Пробежав мимо телефонной будки, я остановился и вернулся к ней. В будке

на полу сидел незнакомец ногами наружу, телефонная трубка висела над его головой, издавая тревожные короткие гудки. Приглядевшись, я узнал в нём Владимира Соколова, жившего в ближайшем доме. Он замерзал, лицо у него было в инее.

Нанеся несколько пощечин и поняв, что человек без сознания, а силёнок во зиться с ним не хватит, я устремился за угол к подъезду, в котором он жил.

Дверь открыла вахтёрша, здоровая баба.

— Соколов? Да пусть подышает, — выдала она после моих объяснений.

— Ну, пойдём, так же нельзя... — стал упрашивать я.

И она сдалась.

Мы с трудом, волоком, дотащили его до подъезда. А уже там начали растирать снегом, влив в него остатки Бог знает откуда взявшейся у вахтерши водки. Когда Владимир Соколов зашевелился,

я, оставив их, продолжил своё возвращение домой.

— Это мой крёстный, — говорил позже Соколов про меня.

Он прожил, после этого случая, двадцать два года.

Часть ЧЕТВЁРТАЯ

МЫ – ТУРКИ

Однажды, когда мамы уже не было, я навестил отца с его новой женой, актрисой Зоей Заикиной, в Элисте. Они давно переехали туда из Москвы и работали в местном театре.

— Отец, — сказал я ему во время застолья, — я — известный поэт, один из лучших в Советском Союзе, и могу помочь тебе вернуться в Москву, хотя бы обратно в Театр им. Гоголя, где ты был худруком... Хочешь?

— Какие-то вы все, москвичи, пижоны... — задумчиво проговорил отец.

— Ну, давай по-другому, — не унимался я: — Ты — еврей, и я — еврей...

Тут он, покосившись на жену, резко и жёстко прервал меня:

— Не знаю, кто ты, а я — турок!

— Хорошо, хорошо... Извини, я не хотел пугать Зою. Мы — турки, — быстро согласился я, ведь мой дед по отцовской линии был и в самом деле турком.

И больше мы к разговорам на эти темы не возвращались.

НЕЛЬЗЯ ЛИ НАЗВАТЬ...

Однажды меня вызвали на заседание секции поэзии Московской писательской организации.

— Говорят, вы имеете «клиентов», так вы их, кажется, называете, которым за определённую плату пишете стихи. И среди них есть члены нашего Союза. Нельзя ли назвать открыто имена этих писателей? — неуверенно произнёс председательствующий.

На что я ответил:

— Не имею никаких клиентов. Но если бы я начал называть имена тех,

кому помогал и помогаю, то даже в этой комнате их оказалось бы трое.

В наступившей тишине я услышал, как заскрипели стулья, и увидел, как сидящие стали подозрительно коситься друг на друга.

Вопрос был исчерпан, и я ушёл.

Хотя теперь скажу, что никого из четырнадцати клиентов, ставших членами Союза писателей и пользовавшихся моими услугами, среди них не было.

ИДИ К СВОЕЙ АЛИСЕ!

Однажды я решил раззадорить свою подругу, пишущую стихи. И, написав стихотворный цикл с посвящением вымышленной Алисе Герцен, опубликовал его в «Московском комсомольце».

Реакция последовала незамедлительно:

— Иди к своей Алисе! — кричала она, бросая в меня чем ни попадя.

Эта реплика повторялась при каждом удобном случае. И никакие объяснения не помогали...

Однажды, пообещав Ане Гедымин с устройством на работу в «Огонёк», я оказался в неловком положении, так как в тот период мои контакты с этим журналом были прерваны. Но («давши слово — держись!») я нашёлся: придумал «легенду».

По этой «легенде» я как бы получил письмо от своей бывшей жены, известной поэтессы, сотрудницы «Огонька», уехавшей в Асканию-Нова, Мары Гриезане. В письме как бы находился отдельно запечатанный конверт, адре-

сованный Анатолию Владимировичу Софронову. В запечатанном конверте была записка, написанная под мою диктовку случайной знакомой от имени Мары (подчерк-то требовался женский!). А вот в конце этой записки — *post scriptum*, в котором якобы Мара просила взять свою ученицу Анну Гедымин литконсультантом, и что, вернувшись, Гриезане сама собиралась заняться её дальнейшей судьбой...

Верно рассчитав, когда Софронов появится в редакции, я пришёл к нему.

Он прочитал записку. Мы с ним потолковали о Маре. После чего, попрощавшись, я стал уходить из кабинета и уже на пороге, словно невзначай, напомнил:

— Да, там какая-то приписка о девочке...

— А где девочка? — спросил Анатолий Владимирович.

— Я её к вам пришлю... — ответил я.

— Ну, не ко мне — я дам указания ответственному секретарю Иванову, — поставил точку в разговоре главный редактор.

Из дома я позвонил Иванову — узнать, дано ли указание...

— А вы кто? — спросил ответственный секретарь «Огонька».

Я назвался отцом.

После чего Иванов стал мне обстоятельно объяснять, что он бы рад помочь, да свободных мест нет и т. д., и т. п.

— Ладно, не беспокойтесь, — сказал я, — Николай Матвеевич найдёт, куда её пристроить.

— Какой Николай Матвеевич? — насторожился Иванов.

— Ну, Грибачёв...

(Н.М. Грибачёв был Председателем Верховного Совета РСФСР, главным редактором журнала «Советский Союз»...)

После явного замешательства, я услышал:

— Обождите, папа! Зачем же Николая Матвеевича беспокоить?! Я посмотрю...

И после паузы:

— Всё. Место есть. Пусть завтра приходит с фотографиями...

В дальнейшем, изредка встречая Гедымин в коридоре, Софронов удивлялся:

— Чей ребёнок тут?! Я же сказал, чтобы детей в редакции не было!

— Я ничей не ребёнок. Я Аня — ваш литконсультант, — бойко отвечала Анна.

— У-у, лягуха-муха! — изумлённо произносил свою любимую присказку Анатолий Владимирович. После чего, огромный, как «дядя Сэм», величественно удалялся в клубах сигарного дыма.

ВООБЩЕ-ТО Я НЕ ПОЭТ

Коньяк остался у меня, а из подборки мне понравились два стихотворения, которые и были вскоре опубликованы в рубрике «Турнир поэтов». Правда, на оставленных мне оригиналах не было полного имени автора, поэтому так и прошло в публикации: В. Жириновский.

Известным же Владимир Вольфович Жириновский стал позже, в период перестройки, создав и возглавив ЛДПР (Либерально-демократическую партию России).

Однажды, когда я ещё работал в «Московском комсомольце», ко мне пришёл незнакомый автор. Он поздоровался и, продолжая что-то безостановочно говорить, проворно достал из «дипломата» коньяк. Наступила пауза.

— На работе не пью, — заявил я.

— Ну, потом как-нибудь... в честь нашего знакомства, — ответил гость, и продолжил: — Вообще-то я не поэт, но поэзию люблю. Вот принёс вам свою подборку...

ВЫПУСК КНИГИ ЗАДЕРЖИТСЯ

Однажды мне позвонил Серёжа Касьянов и начал издаleка:
— Конечно, ты пошлешь меня на три буквы, но разреши сказать...

И, после моего согласия, поведал о том, что совсем недавно неким Анохиным организовано издательство «Московский клуб» и что он сейчас работает в нём. Но самое главное, — что там собираются издавать, в том числе, современную поэзию. А первую книгу из этой серии решили выпустить —

мою, конечно же, с его, Касьянова, подачи.

— Не возражаешь? — прозвучал риторический вопрос.

И началась моя работа, длившаяся несколько месяцев, над объёмным стихотворным сборником «Из многокнижья «Люди и боги», — философское осмысление евангельской темы.

Всё шло своим чередом. Уже сделали оригинал-макет книги, и даже — вывели плёнки для типографии.

Но тут у молодого издательства появился главный редактор — Юрий Кублановский.

Первым делом новоиспечённый начальник уволил с работы своего «зама» — рекомендовавшего его Анохину — Сергея Касьянова. Мне же было им сказано, что выпуск книги задержится месяца на полтора из-за того, что в типографии нет соответствующей бумаги.

И вдруг — сюрприз.

Приблизительно через месяц после описанных событий в издательстве «Московский клуб» — вместо моей — вышла поэтическая книга Кублановского.

Почти сразу же за этим у издательства начались финансовые затруднения, и оно — закрылось.

Так не оправдались ни мои старания, ни надежды тех, кто терпеливо ждал своей очереди в этом издательстве: Зульф리카рова, Рейна, Липкина...

Однажды «Литературная гостиная», которые я проводил в журнале «Юность», была посвящена Николаю Тряпкину...

Когда она закончилась, я предложил ему:

— Пойдём, Коля, в «Арион» — опубликуем тебя.

И мы «пошли»: я и он (ему было около 80-ти), опирающийся с одной стороны на меня, а с другой — на трость.

Пока ждали машину и добирались (хотя в то время «Юность» и журнал

«Арион» располагались почти что рядом — на Садовом кольце, близ станции метро «Маяковская»), среди прочего нам вспомнилась известная история его первой публикации в «Новом мире».

Тогда он поджидал Твардовского у входа в редакцию, разложив перед собой на газете простую еду — сало, хлеб, лук... — и наскоро закусывая.

— Кто таков? — спросил подошедший Александр Трифонович.

— Я — по-о-эт!.. — ответил с присущим ему заиканием Тряпкин.

И стал вытирать засаленные руки о край газеты.

— А ну пойдём — разберёмся! — командовал ему главный редактор «Нового мира».

В результате их разговора вскоре в журнале появилась подборка Николая Тряпкина из пятнадцати стихотворений.

Но всё изменяется.

Главному редактору «Журнала поэзии «Арион», Алексею Алёхину, после короткой беседы, были оставлены на рассмотрение около пятидесяти стихотворений...

Позже, зайдя к Алёхину, я услышал следующее:

— К большому сожалению, отобрать ничего не удалось, разве только одно — из восьми строчек. И вообще он не наш автор... А вашу подборку — всегда ждём.

— Ты оскорбил старого русского поэта и потому ни строки от меня не дождёшься! — резко ответил я на прощание, забирая стихи Николая Тряпкина.

Журнал-то у нас свой — «Юность»... Издательство «Юность плюс»... Ну и альманахи разные, прикладные...

Но дальше идеи дело, увы, не пошло, потому что загнать писателей-шатунов в одну «берлогу» оказалось мудрено, ведь они — народ особый, оригинальный, далёкий от групповщины.

Однажды Виктор Сергеевич Липатов молвил, обращаясь ко мне: — Я по натуре шатун, медведь то есть... Да и вы, Юрий Александрович, как я погляжу, из того же теста... Не пора ли нам создать из выдающихся писателей — как это по-современному? — свою тусовку. И назовём её «Шатуны». Что вы на это скажете?

— Ладно, — согласился я и в свою очередь спросил: — А кто, кроме нас с вами, войдёт в неё?

— Это я продумал, — ответил он, — Бурич, Зульфикаров, Оганов, Куприянов.

ПРИМИТЕ МЕНЯ, ПОЖАЛУЙСТА, В ЖИДОМАСОНЫ!

Однажды ко мне подошёл Иван Оганов и спросил:
— Хочешь, тебя на Нобелевскую премию выдвину?

Я смутился и в замешательстве ответил «вопросом на вопрос»:

— А что?

— Да так, — сказал он, — был недавно в Стокгольме. Добивался приёма у королевы. И неожиданно в один из вечеров она сама позвонила мне в гостиницу. Оказалось, в этот день на площади я был единственным, кто не снял головной

Примите меня, пожалуйста, в жидомасоны!

убор, когда королевский кортеж проезжал мимо. Мы с ней мило поговорили. Можно сказать, подружились...

— Хорошо, подумаю, — оборвал его я. Но Оганов не уходил.

И я поинтересовался, есть ли у него ещё какие-нибудь вопросы.

Тут он поведал мне о том, что отдыхал в этом году в Испании. И встретил там Сашу Юдахина, который в разговоре сказал ему: «Да ничего ты не добьёшься, пока не вступишь в жидомасоны». И когда Оганов спросил у него: «А к кому обратиться по этому вопросу?» — якобы по секрету сообщил: «К Юрию Влодову...»

— Юрий Александрович, примите меня, пожалуйста, в жидомасоны! — попросил он, обращаясь ко мне почему-то на «вы».

Господи, чего только в жизни не бывает?!

ПОГОВОРИЛИ

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Однажды в телефонном разговоре с Сергеем Телюком я ему предложил:

— Знаешь, у меня тут есть материал... Ты бы зашёл как-нибудь. Поговорим.

Что он, в долгий ящик не откладывая, и сделал. А теперь рассказывают обо мне Бог знает что.

УПОИТЕЛЬНЫЙ ВКУС

*Эпоха немощных генсеков
полузабыта потому,
что оказалась ни к чему
среди современных человекoв.*

Сергей Телюк

Ну уж и ни к чему... Крутятся и функционируя среди современных человекoв, Сергей Телюк обрёл и тему, и интонацию. Мне уже приходилось писать о его лукавом притворстве, за спиной которого весело гримасничает нелукавая правда. Иногда она маскируется в «занимательные истории».

...Середина века. С фронта возвращается с наградами отец. Сын спрашивает: за что награды?

«Да так... Ползли к Берлину, стреляли, обмораживались... Мало ли... Всего не упомнишь...»

На простодушный взгляд — шуточка на грани издёвки: неужто пять лет войны, увенчавшиеся штурмом Берлина и триумфом Победы, — так-таки и укладываются в словечко «ползли»? Можно подумать, что герой-рассказчик провоцирует нас на возмущение! А ведь на самом деле тут спрятана такая правда, без которой триумф и впрямь может обернуться издёвкой. Ведь и ползли, и стреляли, и обмораживались. Только сказано об этом так, будто правда пропущена через весёлую игру и именно через неё пронзает, а заодно пронзает и самую эту игру («всего не упомнишь»), делая её горькой частью правды.

Всё, что пережито отцами и дедами, переживается теперь заново и как бы с нуля. И созвучно «агенту Нулёву» (в эпиграфе цитируются строки из посвящённого ему стихотворения), кото-

рый носит у Телюка вполне значимую фамилию. Хочется прибавить к такому «нулю» нечто, реально пережитое, чем можно «овладеть». И тут классно попадает Телюку замечательный собеседник по фамилии «Влодов».

Поэт Юрий Александрович Влодов — мэтр, признававший в Телюке собрата по перу. Беседы с ним о минувшей эпохе «неможных генсеков» восстановлены Сергеем Телюком по памяти.

В этих записях теперь уже невозможно отделить реалии пережитого Влодовым от вымысла, через который всё это пропустил Телюк. Но зато можно попробовать на вкус тот кухонный бульон, в котором вывариваются реалии в эпоху перемен, лапшой попадая в уши, а там, и во рты «современных человек».

Разные беседы соответствуют у Телюка разным эпохам.

Вот военное время, о котором мы уже кое-что вспомнили в связи с этюдом «Всего не упомнишь». Кое-что упо-

мнилось — кроме того, что «ползли» и «обмораживались». Ещё и... танцевали!

Танцевали — в разгар войны, в центре Харькова, захваченного немцами...

...И румынами, — уточняет рассказчик. Именно румыны приставали на танцах к нашим девушкам. Одна из них вырвалась и побежала жаловаться немецкому офицеру: спасите!

Немец надавал оплеух вытянувшимся перед ним румынам. Девушка вернулась к танцам...

Не правда ли, расходитесь с привычным образом немецкого оккупанта?

А два гестаповца, которых определили на постой в дом Влодовых, хоть меж собой и ссорятся (Вилли — барон, а Курт — мясник: есть что делить!) — к хозяевам они относятся хорошо: и дом охраняют своим присутствием, и продуктами снабжают...

Повезло же Влодовым, что они не евреи, иначе лежать бы им в каком-нибудь яру на дне оврага в куче трупов...

Ладно. Когда теперь речь заходит о военном времени — только и остаётся поднять пальцы (или обе руки) и горько выдохнуть: «О-о-о!»

Дальнейшие части «Бесед» — повеселее, они посвящены расцвету послевоенной советской литературы, преимущественно её переделкинского разлива.

Классики социалистического реализма обретаются в декорациях творческого интима. Один сидит во дворе своей дачи, безучастно наблюдая, как какие-то парни выкатывают из гаража его машину: «Наверно, кто-то из внуков. Но, надеюсь, вторая машина на месте».

Другой классик, высунувшись из машины, просит у знакомых денег на лекарство и, получив оные, идёт покупать поллитровку.

Третий, закрывшись в своём кабинете, лежит одетый в темноте на неразобранной постели:

— Не зажигайте света! Это моё рабочее состояние.

И при таком вот затрапезе — литература дышит величием! И Влодов мечтает затесаться в её ряды! А если кто-то на этот счёт вздумает что-то съязвить, то Корней Чуковский бросит реплику спрятавшемуся за его спиной Влодову, но долетающую до Телюка и тем самым до нас:

— Не гримасничайте!

Эпоха «шестидесятников» позволяет, наплевав на цензуру, рубануть правду-матку и громко поделиться изнурительными успехами:

— Представляешь, Юра, две девственницы за ночь!

Другие успехи связаны с мордобоем в общежитии Литературного института: молодые поэты выясняют, кто в этом успешнее.

А стихи?!

Пожалуйте в Политехнический! Публика ревет от восторга, любимец публики, уверенно шагнув к микрофону, поводит прозрачными на ощупь лопатками,

в которые, как красный кулак в резиновую перчатку, входит гениальность.

«Гениальность в крови планеты!»

Поэты прячутся от лилипутов в своих берлогах.

А венчает ситуацию пронизательное четверостишие из упомянутого мной стихотворения Сергея Телюка, посвящённого Агенту Нулёву:

*Иные лидеры по праву
искусно вешают лапшу...
Её не стряхивай, прошу,
им это удалось на славу!*

Лапша — это правда, отыгрывающая очередную лукавую роль, при полном понимании аппетита тех, кто, наедаюсь, гримасничает за её прозрачными плечами.

Лев Аннинский

АЛФАВИТНЫЙ
УКАЗАТЕЛЬ ИМЁН,
УПОМЯНУТЫХ В КНИГЕ

Алёхин Алексей 131
Анохин 126, 127
Антокольский Павел 65, 66
Авсарагов Борис 96, 97
Аронов Александр 90–95
Ахмадулина Белла 92, 93
Берия Лаврентий 29, 30, 32
Бродский Иосиф 91
Бурич Владимир 132
Ваншенкин Константин 42
Вассерман 31, 32
Вилли 15, 16, 142
Влодов Юрий 5, 141, 142, 144
Вознесенский Андрей 87, 88

Ворошилов Климент 33
Гедымин Анна 120, 121, 123
Глазков Николай 84, 86
Грибачёв Николай 122, 123
Гриезане Маара 48, 90, 120, 121
Гроссман 32
Евтушенко Евгений 79
Есенин Сергей 44
Жириновский Владимир 125
Заикина Зоя 115, 116
Замошкин 81
Замошкин Кирилл 80
Зая 25
Златова 67
Зульфикаров Тимур 128, 132
Иванов 122
Касьянов Сергей 126, 127
Котенко Николай 97
Кублановский Юрий 127, 128
Кудинов Михаил 36
Кузьмич 19
Куприянов Вячеслав 132
Купцов Валентин 67, 68
Курт 15, 142

Левитанский Юрий 93
Левицкий (Влодов) Александр 10
Ленин Владимир 12, 13
Липатов Виктор 132
Липкин Семён 128
Ляпин Игорь 103–105
Маршак Самуил 60–62
Махно Нестор 75
Маяковский Владимир 44, 79
Межиров Александр 65
Микитенко Иван 28
Некрасов Николай 48
Нагибин Юрий 93
Наровчатов Сергей 106
Нина 92
Оганов Иван 132, 134, 135
Пастернак Борис 44, 60, 61, 75
Передреев Анатолий 107, 108
Пешков Алексей 56
Рабинович Вадим 45, 47, 77, 78
Райский 10
Рейн Евгений 128
Рубцов Николай 103–106, 108
Сартаков Сергей 104

Сафонов Валентин 108
Сафонов Эрик 108, 109
Светлов Михаил 63, 64
Сельвинский Илья 41, 43–47, 56, 77, 78
Смеляков Ярослав 39, 70–72
Смирнов Юрий 90, 98, 99
Соболь Марк 63
Соколов Владимир 111, 112
Солженицын Александр 109
Софронов Анатолий 121, 123
Сталин Иосиф 16, 33, 34, 97
Стрешнева Татьяна 70, 71
Тарковский Арсений 91
Татарников Егор 25, 26
Твардовский Александр 48, 50, 51, 56, 130
Терех 25
Тимошенко 31
Тимошенко (Надеждина) Надежда 10
Третьяков Анатолий 106
Тряпкин Николай 129–131
Федин Константин 51
Хлебникова Наталья 110
Хрущёв Никита 75, 76

Чаковский Александр 101, 102
Черняк Вадим 90
Чехонте Антоша 56
Чуковская Лидия 54
Чуковский Корней 53–57, 144
Чухонцев Олег 90
Шифрин Александр 89
Щипачёв Степан 67, 68
Юдахин Александр 135
Япончик Мишка 10

От автора..... 5

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Семья, сыночка..... 9
Тише, здесь дедушка Ленин... .. 12
О-О-О! 14
Нельзя! Вождь! 16

| | |
|-------------------------------------|----|
| Герр офицер... .. | 17 |
| Разведка, пацан! | 19 |
| Я вам покажу, тыловые крысы! | 21 |
| Всего не упомнишь | 23 |
| Я вам буду отчимом. | 25 |
| Где. Когда. С кем | 28 |
| По личному вопросу | 33 |
| Мы с вами где-то встречались? | 35 |

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

| | |
|-----------------------------|----|
| Принимаю | 39 |
| Если что — обращайся! | 41 |

| | |
|---------------------------------------|----|
| Нас четверо | 43 |
| Извините, но у вас — хуже. | 45 |
| Я или Некрасов? | 48 |
| Мой юный друг. | 50 |
| Ребёнок ничего не ест. | 53 |
| Вершина нашей словесности | 55 |
| А вы, сзади, не гримасничайте | 58 |
| Это — на трумвай | 60 |
| Требую называть меня Мишей | 63 |
| Это моё рабочее состояние. | 65 |
| Боюсь, что быстрее не получится | 67 |
| Я ей благодарен | 70 |

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

| | |
|--------------------------------------|----|
| Тем более..... | 75 |
| Сельвинский был не прав..... | 77 |
| Представляешь! | 79 |
| Ты разве не знаешь? | 80 |
| Я, как писатель..... | 82 |
| Самое короткое..... | 84 |
| А теперь — Андрей Вознесенский. | 87 |
| Ты отвечаешь... .. | 89 |
| Не помню | 91 |
| Да здравствуют поэты! | 94 |
| Ухожу в себя | 96 |

| | |
|---------------------------|-----|
| Не фунт изюма..... | 98 |
| Ату его! | 100 |
| Не люблю пьяниц..... | 103 |
| И пошли вы все на х... .. | 107 |
| Это мой крёстный | 110 |

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

| | |
|--------------------------|-----|
| Мы — турки | 115 |
| Нельзя ли назвать..... | 117 |
| Иди к своей Алисе! | 119 |
| У-у, лягуха-муха!..... | 120 |
| Вообще-то я не поэт..... | 124 |

Содержание

| | |
|--|-----|
| Выпуск книги задержится | 126 |
| Не наш автор | 129 |
| Шатуны | 132 |
| Примите меня, пожалуйста, в жидомасоны! | 134 |
| Поговорили | 136 |

ПОСЛЕСЛОВИЕ

| | |
|---|-----|
| <i>Лев Аннинский. Упоительный вкус</i> | 139 |
| Алфавитный указатель имён, упомянутых в книге. | 146 |
| Содержание | 151 |

Л и т е р а т у р н о - х у д о ж е с т в е н н о е и з д а н и е

Сергей Телюк

ОДНАЖДЫ В XX ВЕКЕ

Из бесед на кухне у Юрия Влодова

Оформление *Александр Шукин*

Макет *Виктория Челядинова*

Корректор *Александра Конькова*

ООО «Издательство «Зебра Е»

119121, Москва, ул. Плющиха, 11/20А

E-mail: zebrae@zebrae.net

www.zebrae.ru

По вопросам приобретения книг издательства «Зебра Е»
обращаться по адресу:

ООО «Издательство «Зебра Е»

125009, Москва, ул. Большая Никитская,

д. 22/2, офис 26.

Тел.: 8 (499) 995-09-42

kniga@zebrae.ru

svirin@zebrae.net



Сергей Телюк всегда был интересен мне как нестандартный поэт. Но оказалось, что он, ко всему прочему, очень любопытный прозаик. Причём, в жанре, который мне трудно определить.

Не так уж много найдётся писателей, щедро наделённых смежным талантом – рассказчика. Среди них есть свои классики – скажем, знаменитый на всю страну Иракий Андроников. А как быть с теми, кто на эстраду не выходил, а положить свои роскошные байки на бумагу поленился? Я, например, готов был часами слушать удивительные истории Григория Поженяна, Эдика Хруцкого, Аркадия Сахнина, Славы Голованова. И как жаль, что прочесть их нигде!

Таким же бесследно ускользающим даром, видимо, обладал поэт Юрий Влодов. Но на этот раз дар не ускользнул – спасибо Сергею Телюку! Он записал устные рассказы Влодова, но не на диктофон, а по памяти – то есть, невольно осмысляя, организуя и редактируя.

Как назвать эту работу?

Я бы рискнул сказать так: Телюк в данном случае выступил как автор, а Влодов – как легендарный персонаж, вроде Ходжи Насреддина, Заратустры или Ивана Петровича Белкина. А так как по роду деятельности и по характеру Влодову приходилось встречаться с целым рядом современных классиков, его байки имеют и бесспорную литературоведческую ценность.

Впрочем, читателю вовсе не обязательно ломать голову над тем, к какому жанру следует отнести «Однажды в XX веке». Лучше просто читать эти короткие рассказы о писательском житье-бытье, хохотать и радоваться.

Леонид Жуховицкий



Это издание наряду с «Прощанием» и «Трёхкнижием» представляет серию из трёх книг, специально подготовленную Сергеем Телюком

ISBN 978-5-906339-83-6

